

**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**
заведующий кафедрой
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
avkornev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки¹

Аннотация. В настоящей статье показано значение методологии истории политических и правовых учений, приводятся характеристика базовых (основных) методов, иллюстрируются их познавательные возможности. При этом делается акцент на то, что каждое учение имеет методологическое основание, и это в некоторой степени позволяет оценивать содержание доктрин и реальные возможности их внедрения в практику государственно-правового строительства. Показано значение истории политических и правовых учений в настоящий период, когда особенно обострилось идеологическое противостояние, за которым стоит несоответствие интересов глобальных политических игроков. Методы позволяют изучать реальность и не только политико-правовую. Последняя, как представляется, является частью более широкого явления, которое условно можно назвать социальностью. В настоящее время в научный оборот прочно вошла такая категория, как техно-социальная сфера (система). Синтез природной, социальной, технологических систем представляет собой пример трансформации предметной области юридической науки и как следствие, междисциплинарности научных исследований.

Ключевые слова: государство, доктрина, идеология, история, методология, метод, наука, право, политика, технологии, учение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.026-040

Arkady V. KORNEV,

Head of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

avkornev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Basic Methods of the History of Political and Legal Doctrines and the Possible Transformation of the Object of Legal Science

Abstract. This article shows the importance of the methodology of the history of political and legal doctrines, characterizes the basic (basic) methods, and illustrates their cognitive capabilities. At the same time, the emphasis is placed on the fact that each doctrine has a methodological basis, which to

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

some extent allows us to evaluate the content of the doctrines and the real possibilities of their implementation in the practice of state-legal construction. The importance of the history of political and legal doctrines is shown in the present period, when the ideological confrontation has become especially aggravated, behind which there is a discrepancy between the interests of global political players. Methods make it possible to study reality and not only political and legal. It seems that it is part of a broader phenomenon, which can be conditionally called sociality. At present, such a category as the techno-social sphere (system) has firmly entered the scientific circulation. The synthesis of natural, social, technological systems is an example of the transformation of the subject area of legal science, and as a result, the interdisciplinarity of scientific research.

Keywords: state, doctrine, ideology, history, methodology, method, science, law, politics, technology, doctrine.

История политических и правовых учений относится к теоретико-историческим правовым наукам и учебным дисциплинам. В настоящее время в силу известных причин возрастает роль изучения истории вообще, а не только истории политических и правовых учений. Современный мир без всякого преувеличения являет собой арену бескомпромиссных столкновений различных идеологий. В нашей стране по неведомым причинам под флагом «идеологического плюрализма» фактически насаждалась одномерная интерпретация современности, и в особенности истории.

По всей видимости, в действительности может быть много «отраслевых» историй, поскольку каждая наука имеет «свою» собственную историю. История любой науки так или иначе связана с методологией. Более того, зарождение и эволюция конкретной науки есть история ее методологии.

Значение методологического инструментария трудно переоценить. Исследователь, определившись с объектом и предметом изучения, должен тщательно подобрать методологические приемы изучения тех вопросов, которые стоят перед ним.

В истории политических и правовых учений, как следует из названия, первичным элементом является учение, которое следует расценивать как один из продуктов теоретического (научного) освоения каких-либо проблем. Отличие данной науки и учебной дисциплины состоит в том, что эти учения уже созданы. Они живут своей, как бы отдельной, жизнью. Одни учения перестают быть актуальными, другие возникают. В истории политических и правовых учений, несмотря на обилие имен и школ, по сути, не так уж и много фундаментальных доктрин. Однажды став частью политико-правовой действительности, они оказывают на нее влияние. В той или иной степени.

Методологические проблемы конкретно истории политических и правовых учений занимают особое место в структуре данного направления научного знания. Метод (методы) можно рассматривать с двух сторон. Так, мыслители прошлых эпох, даже если они не особенно тщательно относились к своей методологической ориентации, тем не менее формировали свое, авторское понимание правовых и политических институтов.

Для исследователей последующих эпох и исторических периодов метод, методология в целом как бы принимают усложненный характер. Можно провести известную параллель со школой глоссаторов и постглоссаторов в Болонском университете. Если глоссаторы изучали и комментировали различные источники римского права, то уже постглоссаторы в основном комментировали глоссаторов. Они были своего рода «комментаторами комментаторов». Что-то подобное наблюдается и в данном случае.

Исследователю политических и правовых учений нужно, во-первых, определиться с методологической платформой, на которой стоял создатель того или иного учения, и, во-вторых, самому выбрать методы, которые предстоит использовать при изучении политических и правовых доктрин. А это очень непростая задача.

Настоящая статья нацелена на оказание определенной методологической помощи исследователям правовых и политических идей. Исследовать методологические вопросы — занятие не очень благодарное и рискованное. Обычно ученые делают выбор в пользу прикладных, практических проблем. Реже предпочитают решать теоретические задачи. Еще реже берутся за проблемы методологии. Но что объединяет практически всех авторов, так это отсутствие должного внимания как раз к методологическим проблемам своего исследования. Так сложилось, что авторы сначала пишут текст, а уже потом описывают якобы использованную методологию. Однако надо понимать, что текст не может претендовать на научное исследование, если не задействован адекватный объекту и предмету методологический инструментарий.

Методология занимает важное место в когнитивной (познавательной) структуре. Исследователи политических и правовых учений имеют дело не с институтами в виде государства и права (их уже исследовали до них), а с текстами. Обобщая, можно сказать, что книги и есть то, что изучает историк идей. Работа с текстами имеет свою специфику, как и изучение природных, социальных, технических, а теперь уже и виртуальных явлений.

Тексты делают люди. С этим трудно спорить. Но есть и другая сторона медали. «Человек есть продукт своего чтения» (И. Бродский). Прекрасная мысль. Политические и правовые тексты формируют не просто людей, но и реальность. Не только политико-правовую. Но и вообще. Проблему государства и права не миновал ни один мыслитель. Мотив их деятельности — желание познать природу этих институтов и на этой основе предложить более совершенную модель. Конечно, право, государство рассматривали и как инструменты реализации своих политических устремлений. В истории это было. И, по всей видимости, будет.

Освоение методологических приемов исследования помогает глубже проникать в суть права и государства. В этом состоит значение методологии, на основе которой должно строиться любое исследование в области истории политических и правовых учений.

Прежде чем характеризовать основные методы истории политических и правовых учений, хотелось бы подчеркнуть хронологический аспект данного вопроса. История любой науки предполагает рассматривать и эволюцию методов исследования, которые данная наука применяет.

Хронология предполагает и определенную периодизацию. Историю политических и правовых учений традиционно делили следующим образом: история

политических и правовых учений Древнего мира; история политических и правовых учений Средних веков; история политических и правовых учений Нового и Новейшего времени. Мы уже третий десяток лет живем в третьем тысячелетии. Давно ставится вопрос о некотором пересмотре исторических, хронологических рамок. Средние века, как считают некоторые историки, нуждаются в некоторой временной «корректировке».

В конце XX в., а если быть более точным, то с 1985 по 1995 г. в издательстве «Наука» под редакцией В. С. Нерсесянца вышли пять коллективных монографий, которые охватили весь период эволюции политико-правовой мысли. Первые две отразили политическую и правовую мысль Древнего мира; а также Средних веков и Возрождения. А три последующие охватывали XVII—XVIII; XIX и XX вв.

Однако была и другая периодизация. И, что особенно важно, она имела под собой не только хронологическое, идеологическое, но прежде всего методологическое обоснование.

Своеобразным водоразделом истории политических и правовых учений послужило формирование и развитие марксистского политического и правового учения. Хотя в каком-то смысле более правильно именовать его историческим материализмом. В некоторых изданиях советского периода содержатся и более детализированные характеристики — материалистически трактуемый диалектический историзм. Разумеется, имелись в виду работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. К ним мы еще вернемся. Пока лишь отметим, что методологическая составляющая в истории политических и правовых учений актуализируется по мере возрастания их «научности». Кавычки использованы только для того, чтобы подчеркнуть существенный момент, а именно: четкого водораздела между собственно научным и ненаучным знанием не существует. Особенно в политико-правовой области.

Так, формирование и развитие марксистского политического и правового учения квалифицировали не иначе как революцию в политических и правовых учениях. Другой вопрос — насколько имелись для этого основания.

То, что принято считать основными методами изучения истории политических и правовых учений, таковыми стали не вдруг, а по мере развития данной области научного знания и ее методологии. В роли «основных» методов долгое время выступали исторический метод и логический метод, которые дополняли друг друга.

Если обратиться к отечественной истории политической и правовой мысли, то придется констатировать совсем уж малый интерес к методологической составляющей дореволюционной юридической науки. Тем не менее у нас нет оснований говорить о полном отсутствии интереса к методологии в то время.

Г. Ф. Шершеневич в своем двухтомнике «Общая теория права» (1911 г.) главу XIII назвал «Методология юридических наук». В ней он говорит, что методы, которые использует конкретная наука, зависят от тех задач, которые она решает. Разработку проблем методологии всех юридических наук он возлагает на общую теорию права. При этом ставит неутешительный методологический диагноз: «...неразработанность юридической методологии обусловливается крайней отсталостью той юридической науки, на обязанности которой лежит разработка общих теоретических вопросов, именно общей теории права»².

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Т. 1 : Часть теоретическая. С. 49.

Любопытно, что правоведение Г. Ф. Шершеневич включил в группу социальных наук. Большая часть дореволюционных юристов политические и правовые учения рассматривали в рамках философии права. Пятитомное издание Б. Н. Чичерина «История политических учений» выпадает из общепринятого тогда подхода. К слову сказать, в настоящее время юридические науки снова стали частью социальных наук.

Г. Ф. Шершеневич обращает особое внимание именно на исторический метод: «Философия права превращается в теорию права, которая получает название общей, чтобы отличить ее от тех теорий, которые создаются в пределах специальных юридических наук. На основании только исторического материала, философия права должна выяснить, что такое вообще право, независимо от изменчивого его содержания, что такое государство вне разнообразия действительных форм его существования, каковы источники права, каковы методы разработки норм права»³.

Однако из всех дореволюционных авторов более всего обращался к историческому и логическому методу, а главное — к диалектической взаимосвязи между ними, М. М. Ковалевский, хотя он предпочитал обращаться к конкретным идеям и проблемам⁴.

Таким образом, сочетание исторического и логического методов было заложено еще дореволюционной юридической наукой и получило свое развитие в советский и постсоветский период.

Суть этих методов состоит в том, что они являются не просто основными, не только находятся в состоянии взаимодополняемости. В определенной степени оба этих метода как бы объективируются и в других методах, которые используются в современной истории политических и правовых учений.

Можно сказать, что сочетание исторического и логического методов формирует и способы изложения учений: «В свете диалектической взаимосвязи логического и исторического, а также с учетом совмещения в истории политических и правовых теоретического и исторического профилей исследования освещение материала в данной дисциплине проводится на основе сочетания хронологического и проблемно-категориального способов и приемов изложения»⁵.

Объем знаний все возрастает. И, как считал Д. А. Керимов, это обстоятельство повышает требования к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, а это с необходимостью предполагает изучение самого познавательного процесса: «Этой цели и служит методология, которая есть мышление, обращенное во внутрь себя. Она выступает в качестве “обратной логики”, благодаря которой совершенствуется познавательная логика и организация исследовательского процесса, отрабатывается ее инструментарий».

Чаще всего логику квалифицируют в качестве науки о мышлении. В этом контексте особенно любопытны следующие рассуждения Д. А. Керимова:

³ Шершеневич Г. Ф. Философия права // Общая теория права. С. 39—40.

⁴ Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин : курс лекций. М., 1912 ; Он же. Демократия и ее политическая доктрина : курс лекций. СПб., 1913 ; Он же. История аристократии : курс лекций. СПб., 1914.

⁵ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юрид. лит., 1988. С. 15.

«Методологическое мышление призвано превращать объективное в субъективное, познание в познанное, реальные объекты, явления, процессы в их осознанные образы. Тем самым открываются возможности для преобразования изучаемых объектов, явлений и процессов в их же «вторую природу»⁶.

Это вполне отвечает содержанию и «статусу» истории политических и правовых учений. Дело в том, что мыслители прошлого, да и современные авторы, берутся, как правило, только за те вопросы и категории, которые имеют проблемный характер. Ведь что такое государство как объект анализа? Не будет преувеличением сказать, что это целый «космос». Иными словами, это самый сложный институт, который сформировался в процессе эволюции общества в силу определенных закономерностей. И его нужно рассматривать как некоторое движение. Государство как политический и правовой институт постоянно развивается. Во времена Платона, Макиавелли и сейчас понятие государства может быть общим только в том смысле, что оно представляет собой организацию власти. Если рассматривать его в иных аспектах, то совпадений практически не обнаружим.

То же самое мы можем утверждать и в отношении права. Оно в еще большей степени меняется, нежели государство. Появляются все новые и новые отношения, которые нуждаются в правовом регулировании. И наоборот, некоторые отношения уже перестают быть предметом регулятивного воздействия. Однако таких отношений на фоне «новых» значительно меньше.

Таким образом, именно проблемный характер политических и правовых институтов совершенно естественным образом опирается на исторический подход (метод), поскольку теоретизировать проблему можно только на определенном историческом материале, политико-правовом опыте, и никак не иначе.

Хотя историю политических и правовых учений обоснованно считают историей теории государства и права, есть определенные нюансы в их методологии.

Мы исходим из того, что никакого методологического единства нет и быть не может. Тем не менее исследователи нередко просто механически соединяют методы, которые в общем-то плохо сочетаются друг с другом. И на этот факт совершенно обоснованно обратил внимание В. М. Сырых: «Каждый метод разрабатывается применительно к определенным познавательным процедурам и исключает применение методов, способов, используемых для решения иных познавательных задач. Аналитическая деятельность, например, противостоит синтезу, а формально-логический метод толкования права — конкретно-социологическому или сравнительно-правовому, методы сбора и обобщения эмпирических фактов — методам абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному»⁷.

Совершенно очевидно, что применительно к теории права и государства можно вполне обоснованно предъявлять претензии в части соблюдения определенной «методологической строгости». От этой отрасли научного юридического знания можно требовать обоснованности полученных результатов. А это во многом обеспечивается тщательно подобранными методами исследования.

В истории политических и правовых учений дело обстоит несколько иначе. О какой научной доказательности мы можем говорить применительно к правовым

⁶ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : Академия, 2007. Т. 1. С. XIII—XIV.

⁷ Сырых В. М. Материалистическая теория права // Избранное. М. : РАП, 2011. С. 287.

взглядам, допустим, Фомы Аквинского? Тем не менее его наследие объявлено едва ли не истиной в последней инстанции в рамках католической богословской традиции.

Наряду с общенаучными, история политических и правовых учений имеет свои, только ей присущие методы исследования. В качестве таковых можно назвать:

- хронологический;
- проблемно-теоретический;
- портретный;
- страноведческий.

Все учебные издания, которые выходили до настоящего времени, фактически строились на обозначенных выше подходах. Хотя могут быть и другие. К примеру, издание можно посвятить проблеме демократии. Она будет сквозной и обязательно должна затрагивать те сферы, которые непосредственно порождают данный политико-правовой режим. Это, прежде всего, география и господствующий способ производства и воспроизводства форм социальной жизни. В этой связи абсолютно справедливо подмечено: «Торговля и порожденная ею демократия, стали брать вверх над земледелием и аристократией. Таков общий закон гражданского развития. Живя обособленной жизнью, государство опирается на земледелие. Вступая в отношения с соседями, оно должно отдавать предпочтение торговле. Торговые страны всегда были демократическими республиками»⁸.

В качестве специфического можно также указать контекстный метод исследования. С более широких позиций уместно обратить внимание на системный подход, который уже выходит за рамки контекстного и используется фактически во всех науках. Специфическим методом является ценностный (праксеологический) подход к изучению политических идей⁹.

Соглашаясь в принципе с такой позицией, хотелось бы сделать и некоторые оговорки. Ценностный (праксеологический) метод назван подходом. И для этого есть все основания. То же самое можно сказать и в отношении хронологического, проблемно-теоретического, портретного и страноведческого методов.

По большому счету, это не методы, а подходы. Есть ли между ними разница? И да, и нет. Взять, к примеру, хронологический метод. Вероятно, никакими инструментально-научными характеристиками он не обладает. Сам по себе он не может выступать научным, методологически познавательным инструментом.

Или портретный метод. Он основан на изучении индивидуальных, присущих только конкретному мыслителю взглядов на право и государство. Они могут быть начисто лишены научного содержания.

Но на эту проблему, т.е. «метод-подход», можно посмотреть и с другой стороны. Восприятие государственно-правовых институтов как нечто меняющееся во времени, в котором необходимо выявить что-то постоянное, в известной степени можно назвать методом.

Вновь обратимся к этому же источнику: «Признавая актуальность вопроса о частных и специфических методах исследований применительно к истории

⁸ Летон Х. Греция. Полная история. М., 2022. С. 92.

⁹ История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. М.: Высшее образование, 2008. С. 24.

политических учений, необходимо, тем не менее, сосредоточить внимание на основных требованиях общих методов. Самыми всеобщими являются четыре: материалистический и идеалистический; метафизический и диалектический методы»¹⁰.

Методы в истории политических и правовых учений, нацелены прежде всего на то, чтобы объяснить содержание идей, а не оценить их научную состоятельность. Разумеется, такая задача отнюдь не исключается.

Прекрасно осознавая дискуссионность положения, рискнем предположить, что основным в истории политических и правовых учений следует признать всеобщий диалектико-материалистический метод.

Суть этого метода содержится в предисловии «К критике политической экономии» К. Маркса: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет гражданским обществом, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии... В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹¹.

В западной интеллектуальной мысли известность Маркса объясняют тем, что его работы, по сути, стали программой Германской социал-демократической партии, влиятельной политической силой. Другим фактором, который привлекал внимание к его работам, стало то, что «ранние труды Маркса не были научными, они были гуманистическими»¹².

Действительно, его ранние работы были направлены на то, чтобы облегчить жизнь «простого человека». Только по истечении определенного времени в работах К. Маркса и Ф. Энгельса формируется нечто такое, что можно использовать в процессе переустройства мира.

К 200-летию со дня рождения Энгельса¹³ была выпущена любопытная книга, в предисловии к которой ее переводчик и составитель Г. Преображенский пишет: «Во временном отношении Энгельс относительно далек от современности, его труды практически исключены из широкого спектра текстов современного интеллектуального потребления и поэтому их сейчас почти никто не читает. Ведь чтение

¹⁰ История политических и правовых учений. С. 25.

¹¹ Цит. по: Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 3. С. 422—423.

¹² Тернер Фрэнк М. Европейская интеллектуальная история. От Руссо до Ницше. М. : Кучково поле, 2016. С. 170—172.

¹³ Если 200-летний юбилей со дня рождения К. Маркса хотя бы как-то был отмечен в нашей стране, то 200-летие со дня рождения Энгельса прошло абсолютно незаметно.

его работ нельзя в данный момент ни конвертировать, ни каким-то образом извлечь из них пользу, оставаясь современным. На сегодняшний день Энгельс это настоящая интеллектуальная свобода»¹⁴.

Очень интересная и в какой-то степени двоякая оценка. Но что касается современности, то имеют место и другие оценки: «В сущности, марксизм — это теория и практика долгосрочных исторических изменений»¹⁵.

«Списывать» в методологический утиль марксизм и тесно связанный с ним исторический материализм рано. А может быть, вообще невозможно.

В контексте истории политических и правовых учений несомненный интерес представляет совместная работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология». Она была написана в 1846 г., но опубликована лишь в XX в. В интерпретации Фрэнка М. Тернера «основная идея этого труда заключалась в том, что человеческие представления о мире и обществе являются продуктом материальной организации общества: т.е. идеи проистекают из экономического и социального устройства общества и наоборот»¹⁶. Человек — это продукт материальных условий.

В соответствии с историко-материалистическим методом история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций. Когда производительные силы и производственные отношения входят в антагонистические противоречия друг с другом, происходит социальная революция. Иными словами, на смену отжившей свое общественно-экономической формации приходит другая, более прогрессивная.

Если объективно подходить к истории, то так, по сути дела, и происходило. Во всяком случае, применительно к европейской истории. Исторический материализм как раз и критиковали за то, что он был ориентирован только на европейский опыт. Критика эта во многом была справедливой. Хотя отцы-основатели исторического материализма и писали об азиатском способе производства.

Конечно, следует иметь в виду, что наука XIX столетия не располагала теми данными, которыми она оперирует сегодня. Археология, антропология, языкознание продвинулись далеко вперед. И тем более — ряд дисциплин «исторического» профиля располагает сегодня серьезными техническими возможностями для того, чтобы далеко заглядывать в прошлое и давать ему соответствующую научную оценку. Ничего подобного не наблюдалось в позапрошлом столетии.

Тем не менее материалистический метод базируется на определяющей роли материального производства в ходе эволюции общества, на каком бы этапе исторического развития оно ни находилось.

Соответственно, идеи сами по себе, производны от того типа производства социальной жизни, который имеет место в конкретный исторический период времени. Им в рамках исторического материализма не придавалось самостоятельного значения.

Исходя из методологических позиций исторического материализма, можно сказать, что все явления так или иначе находятся в постоянном движении и

¹⁴ Энгельс Ф. Книга Откровения. Энгельс без Маркса. СПб. : Лениздат ; Книжная лаборатория, 2018. С. 10.

¹⁵ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера-Пресс, 2017. С. 50.

¹⁶ Тернер Фрэнк М. Указ. соч. С. 180.

развитии. Одни процессы определяют другие. Конкретно: экономические факторы, производственные главенствуют над всеми остальными. В самом общем виде материалистический метод предполагает рассмотрение всего того, что принято понимать как производство и воспроизводство различных форм жизни общества под диалектическим углом зрения. И хотя сегодня стали критиковать диалектику, как и практически все, что воспринималось ранее как нечто само собой разумеющееся, диалектический метод продолжает сохранять свою актуальность. Практически каждое диссертационное исследование упоминает о проверенном временем методе.

В контексте исторического материализма очень важным методологическим обобщением можно считать тезис об относительной самостоятельности политической и правовой надстройки, идеологии как таковой.

Так, в одном из своих писем Ф. Энгельс делает очень важное уточнение: «Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а все остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь»¹⁷.

Из этого следует, что, используя метод (подход) исторического материализма при изучении истории политических и правовых учений, нужно исходить из того, что они, по своей природе, могут и не иметь прямой связи с экономическими факторами. А вот с производством и воспроизводством бытия общества — всегда имеют.

Так сложилось в истории политических и правовых учений, что определенным антиподом историческому материализму выступает идеалистический метод.

«Идеалистический метод, — констатирует В. В. Лазарев, — ориентирован на поиск источника всяких идей и учений вне материальных условий жизни людей. При этом субъективный идеализм видит эти источники в сознании или подсознании человека, а объективный идеализм считает их данными объективно (применительно к человеку даже до его рождения) и часто обращен к Богу»¹⁸.

Наиболее ярким примером субъективного идеализма в истории политических и правовых учений является И. Кант. Его правовые идеи не утратили своей актуальности и до настоящего времени.

В советской историографии истории политических и правовых учений И. Канта критиковали как раз за «непоследовательность», за слишком откровенный идеалистический взгляд.

Суть кантовской концепции состоит в том, что человеческий разум творит некий мыслимый порядок, который представляется ему идеальным, и стремится «подтянуть» к нему ту реальность, в которой пребывает человек.

Данная парадигма не лишена привлекательности. Если не касаться сущностной, собственно онтологической составляющей, то обращает на себя внимание

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1948. Т. 2. С. 484—485.

¹⁸ История политических и правовых учений. С. 26.

желание менять реальность, если она не представляется разумной, в том числе и правовыми средствами.

В основе всякого политического союза, по Канту, лежит согласие народа или хотя бы его большинства на справедливое публичное управление. Это и есть тот первоначальный договор, на котором только и можно основать гражданское, стало быть, чисто правовое, устройство. У Канта читаем: «Этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность...»¹⁹.

Чрезвычайно важную роль в его концепции играет категорический нравственный императив, некий априорный закон, вытекающий исключительно из разума. По большому счету это кантовское «изобретение» представляет лишь светское выражение того, что в той или иной степени закреплено в иудаизме и христианстве. Да и в других религиозных системах можно увидеть нечто подобное.

Методологическая составляющая субъективного идеализма состоит в признании идей продуктом критически мыслящего человека, его разума. На этом отчасти и базируется рациональная концепция права. Данный методологический подход и сегодня востребован. Как, впрочем, и идеализм.

Еще одним «классическим» представителем идеализма как методологического направления является Г. В. Ф. Гегель. В отличие от Канта, он был объективным идеалистом. Тремя основными ступенями диалектически развивающегося духа являются: субъективный дух, объективный дух и абсолютный дух. Право, мораль, нравственность Гегель отнес к объективному духу. Принципиальным положением гегелевской философии является идея тождества мышления и бытия, а также тождество разумного и действительного.

В «Философии права» Гегель констатирует: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой — воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»²⁰.

В. С. Нерсесянц в предисловии к «Философии права» Гегеля, по сути, дает характеристику идеалистическому методу следующим образом: «Постановка и решение Гегелем вопроса о предмете и методе философии права опирается на диалектику в ее спекулятивно-идеалистической форме, метод предопределяет понятийный характер предмета исследования и по существу не исследует объект, а констатирует, создает его, предмет же исследования сводится к понятийному аппарату метода. Собственно тождество предмета и метода (от исходного момента до развертывания в целостную систему) гегелевской философии права означает равенство их понятийного содержания»²¹.

В данном случае сложно что-то добавлять. Однако у Гегеля и в настоящее время много последователей, в том числе и в области политических и правовых учений.

Самое сложное и ответственное — это характеризовать ту «версию» идеалистического метода, которая связана с Богом. Это уже область веры, а не науки.

¹⁹ Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 305.

²⁰ Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 67.

²¹ Гегель Г. Указ. соч. С. 10.

Правда, в настоящее время соотношение науки и религии подается не так, как было принято ранее. Источником всего, включая идеи, в данном случае является Бог.

Отвечая на вопрос Фомы, Иисус сказал ему: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). На вопрос Понтия Пилата о том, что есть истина, Спаситель ответил так: «Я на то и родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

В истории политических и правовых учений важное место занимает блаженный Августин, главным образом благодаря его трактату «О граде Божьем». Однако самая читаемая книга блаженного Августина — «Исповедь». Она, если так можно выразиться, «методологически» ориентирована.

Практически все религиозные мыслители пытались в основном понять Бога. Августин говорил, что он хотел бы понять Бога и человека, его душу, и более ничего. Таким образом, у него богопознание неразрывно связано с самопознанием. Только Бог открывает истину человеку о самом себе.

Обратимся к метафизическому методу (подходу). Метафизика явление полисемантическое. Она имеет множество значений.

Этот подход «господствовал в давние времена. Он утверждал неизменность, вечность идей, раз и навсегда установленных истин. Сегодня его влияние преодолено. От него в большой мере отказывается даже церковь»²².

Церковь может и отказывается, а вот наука — нет. В некоторой степени метафизика в настоящее время стала синонимом философии. Метафизический метод (подход), с нашей точки зрения, не может являться продуктивным. Ничего вечного в этом мире нет и быть не может.

Диалектический метод (подход) частично освещен в соединении с материалистическим методом. Вопрос в том, как понимать диалектику и к какому «основанию» она привязана. Если к материализму, то идеи следует понимать и изучать в одном ключе, а если к идеализму — то в другом.

Очень верно сказано: «Всякая теория, всякое учение в той мере, в какой они отвечают на вопрос, как понимать такие политические явления, как государство и право, являются методологическими, образуют методологию исследования государства и права... Курс истории политических и правовых учений — одновременно и курс истории методологии государства и права»²³.

Есть некоторые основания считать материалистический, идеалистический, диалектический и метафизический методы основными методами (подходами) изучения политических и правовых учений, что, естественно, не исключает и иные. Но не следует при этом забывать, что использование одновременно нескольких методов может породить известное противоречие между ними.

Политико-правовые учения представляют итог описания реальности. Но не только. В рамках этой науки и учебной дисциплины мы всегда можем найти и попытки обоснования более совершенных форм политико-правового бытия. В любом случае исследователь, изучая конкретные идеи, выходит на феномен

²² История политических и правовых учений. С. 27.

²³ История политических и правовых учений. С. 34.

«социальности», понимаемый в самом широком смысле этого слова. Особенно в настоящее время.

В современный период важнейшее значение приобретает технологическая сфера. В силу этого техника и технологии становятся приоритетными. Именно поэтому науку все чаще стали воспринимать как применение научного знания в виде технологий или неких вновь созданных научных продуктов. Техника и технологии активно проникают и в сферу исследования юридических наук. Происходит, по сути, тотальная цифровизация юридической деятельности в самом широком смысле этого слова. «Виртуальное пространство», «дополненная реальность», «искусственный интеллект» стали привычными категориями юридической науки и практики. В каком-то смысле практика даже несколько опережает теоретическое юридическое знание. В данном контексте имеет место обычное течение социальной истории, т.е. эволюция социальных институтов. Несовпадение теоретических постулатов с реальностью, эмпирикой есть самый важный стимул для развития любых теоретических построений²⁴.

Следует помнить, что развитие технологий не должно быть самоцелью, т.е. чтобы технологии развивались ради технологий. В наше время существует несколько систем: природная, социальная и технологическая. В последние годы все чаще говорят о дополненной, виртуальной реальности. Иными словами, позволительно говорить о цифровой системе и цифровой реальности. Тем более, что все больше и больше людей проводят время именно там. Не всё, но значительную часть.

Нельзя по-прежнему противопоставлять, как имело место ранее, эти системы. Они находятся между собой в диалектическом единстве. Все древние цивилизованные народы обожествляли природу, отношения к ней приобретали сакральные формы. Данный факт очевиден. Даже в нашей стране те народы, которые приняли христианство, продолжают сохранять свои языческие обряды, в которых они превозносят силы природы, а некоторые природные объекты воспринимают как живые системы в полном смысле этого слова.

Отношение к природе поменялось, когда был объективирован постулат «Не надо ждать милости от природы, а брать от нее то, что нужно человеку». Не будем указывать авторство из-за уважения. Однако лозунг завел нас слишком далеко. Конфликт между социальными, технологическими и природными системами очевиден. А решать возникшую проблему готовы далеко не все.

Совсем неправильно противопоставлять социальную систему и технологическую. Мы называем эти категории и явления нашего бытия «сферами». Но так ли они далеки друг от друга? Возьмем здравоохранение. Это ведь не только профилактика и лечение болезней. Здесь и технологии, и производство медицинского оборудования, и наука. И все это в своей совокупности работает для человека и общества. Стало быть, относить сферу здравоохранения только к социальной не совсем правильно. Точнее, совсем неправильно.

Точно так же можно говорить о транспорте, науке, образовании, производстве и проч. Нельзя больше разделять эти системы. Будет очень верным решением

²⁴ Стимул в Древнем Риме — железный штырь, с помощью которого управляли поведением животных.

говорить о «техно-социальных» системах или социально-технологических, если угодно. Данный подход должен стать в какой-то степени методологическим. Если нам в конечном счете удастся сломать привычные стереотипы противопоставления данных систем, это будет очевидной победой, символизирующей принципиально «новую философию жизни». В этой части история политических и правовых учений представляет немалый интерес.

Для понимания социального в самом широком смысле этого слова история учений имеет особое значение. В ней по определению мы находим людей необычных, критически мыслящих, более глубоко смотрящих на право и государство, а также тесно связанные с ними институты. Как тут не вспомнить Рахметова, одного из героев главного литературного труда Н. Г. Чернышевского: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени»²⁵.

Прямо скажем, слишком категорично. Но что-то в этом есть. В мире не так много идей, концептуальных положений, которые в той или иной мере определяют практику государственно-правового строительства. В силу этого читать классиков всегда предпочтительней, чем их интерпретаторов. Тем более, что оценка идей очень зависит от того времени, в котором мы живем.

Однако если идея еще жива, то это значит, что в ней есть определенный потенциал, который и является основой ее актуальности. Важно не забывать: в любой идее есть методологическая составляющая. А это означает, что творец идеи стоял на какой-то определенной методологической позиции, которая самым непосредственным образом повлияла на содержание его взглядов. А вот те, кто изучает историю идей, должны определиться с методами, которые помогут им объективно познавать их суть. В этом залог успеха.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 3. — 829 с.
2. Гегель Г. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
3. Евангелие от Иоанна / синодальный перевод.
4. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. — М. : Карьера-Пресс, 2017. — 288 с.
5. История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
6. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. — М. : Юрид. лит., 1988. — 816 с.
7. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. — М. : Академия, 2007. — Т. 1. — 432 с.
8. Летон Х. Греция. Полная история. — М. : АСТ, 2022. — 336 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. — М., 1948. — Т. 2. — 597 с.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1958. С. 279.

10. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права // Избранное. — М. : РАП, 2011.
11. *Тернер Фрэнк М.* Европейская интеллектуальная история. От Руссо до Ницше. — М. : Кучково поле, 2016. — 384 с.
12. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? — М. : Московский рабочий, 1957. — 489 с.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. — М., 1911. — Т. 1 : Часть теоретическая. — 512 с.
14. *Шершеневич Г. Ф.* Философия права // Общая теория права. — М., 1911. — 293 с.
15. *Энгельс Ф.* Книга откровения. Энгельс без Маркса. — СПб. : Лениздат, 2018. — 368 с.